

● ● ●
Человек человеку— снег,
Человек человеку— мрак,
Что кочующий печенег,
Что домашний смешной дурак.

Не понять, да и не обнять:
Полоротым застыл зеро.
Я тебя или ты меня—
Белым пёрышком под ребро?

Чтобы горькая желчь любви
Губы смазала у креста,
Чтобы дольным стихом кровить,
Чтобы дольником kloкотать.

● ● ●
Когда-нибудь споём и это,
Что сердце рвёт напополам:
Что чёрным бешенством согрета
Душа, измученная в хлам,

Что горше горе, чем бывало,
Когда слеталось вороньё,
Что я уж всех попредавала
Во имя нежное твоё.

И вот стою в лесу морозном—
Спокойна, искренна, одна.
И мне ничто ещё не поздно.
И будто кончилась война.

● ● ●
Да ладно, проехали, детка:
Какие там счёты, чего?!
Цветите, як папараць-кветка,
Живите с блажной головой.

Любовь не карает, и, право,
Вы мне ничего не должны—
Осколку ли гордой державы
Листать ваши лёгкие сны?

Солдату ли тяжкого века
В сиянье литых эполет,
Который вернулся калекой
В немирное время на свет?

● ● ●
Мне теперь всё равно, всё равно, всё равно,
Хоть люби меня, хоть ни за что.
В поездное пустое ночное окно
Смотрит тёмный усталый фантом.

А зачем там любить и за что презирать—
За какую фанеру, муру?
Не учи меня жить, не учи умирать—
Я сама проживу и умру.

Мой стеклянный двойник за зеркальным окном,
Тёмный промельк на станции Дно,
Мы с тобою пошли б в ресторан за вином,
Только кончилось наше вино.

Средизимье моё, перекрестье дорог,
Перелески, снегов немота...
Утомлённую душу сердитый волчок
Потихоньку снимает с креста—

И она не болит, не болит, говорю!
Ей и мне всё равно, всё равно...
Созревай же на радость, назло январю,
Ледяное, как память, вино.

● ● ●
В. М.

Ты—сардинка, уплывшая в море,
За качели, беседку и дом,
И теперь в этом лёгком просторе
Я тебя различаю с трудом.

Много нас, кто играют, смеются,
Ищут-ищут, куда ты ушёл,
Но один за другим подаются,
Заговорщицки шепчут: «Нашёл!»;

Замирают в крыжовенной меди,
В сладком запахе тёплых кустов—
Пересмешники, вечные дети
Неизбежных своих возрастов.

Ах, смородин глаза воронье,
Тихий лепет земного тепла!
Поиграем в «сардинку», родные,—
И не плачьте, не плачьте, не пла...

Я, конечно, ревную: свобода, что пуще неволи,—
Белена, чемерица, ворбнье блестящее око;
Вот проростки обиды, бессонницы горькая завязь,
Ядовитый гербарий утрат—их листва и соплодья,
Это всё шелестит, капля в капле хрустального яда,
Это всё намекает и шепчет, и нет избавленья.

Под зелёной железной водой—утонувшее завтра.
Я тебя и не так бы ещё полюбила—дай волю!
Только воля—неволя мутна словно «верю—не верю»,
И в зрачках белладонна, полночная тень расцветает.
Под зелёной водой полыхают железные звёзды,
Как русалочий хвост, холодны, как сплошная свобода.

Что ж ты снишься ночами—в тугой чешуе, словно рыба?
Серебро глубины—отраженье луны—многоточье.
Приготовить ли снасти, словами во сне захлебнуться?
Нет—глазами, прозрачной водой говорю тебе: здравствуй.
Не добыча моя, не верхом за тобой и не пешей,
Сквозь болотные травы, на привкус железа и крови.

Мы не взрывали мостов, не поджигали Рима,
При слишком больших запросах получали по бороде,
Но в жизни неповторимо то, что неповторимо,
Да и оно уходит, подобно слепой воде.

Мы не срывались в атаку на Карфаген и Трюю,
Не становились к стенке, бледные, как стена.
Но первое—всё же смерть, и жизнь потому—второе,
Хотя и она проходит, как будто прошла война.

Может быть, мы слабее кентавра или спартанца,
Может быть, мы унылы, не рыцарственные ничуть,
Но только у каждой эпохи—свои роковые танцы,
Свои винтовки и копыя, целящиеся в грудь.

Смотрим в себя—безглазы, будто античный мрамор,
Смотримся как герои на фоне гламурных дев.
Здесь главное—удержать душу и спину прямо,
А это легко даётся вращением в барельеф.

Давай с другими—понтуйся, дави слезу,
А у меня слезы ни в одном глазу,
И побоку мне эти твои «ля-ля»,
Как побоку дождь ракете «земля—земля».

Куда бы ни шёл, а выводит—на мой порог.
Куда б ни сбежал—иных не найти дорог.
Давай с другими играй недотрогу, мне
Не привыкать обиду гасить в вине:

Любовь—папираса, секунда—и пш-ш-ш!—прошла.
Это в юности—страсти-мордасти, понты, крутые дела,
А мне уже хочется проще и налегке
Подымить в распахнутом пыльнике на ветерке.

Песенки мёртвой стрекозы

1.

Постарела, поглупела,
Подурнела, Боже мой,
Лето красное пропела
С невесёлой кутерьмой.

Налились печалью строки,
Растрепались на ветру...
Знать, ещё не вышли сроки
Петь и гибнуть на миру.

Как металась ты ночами—
С хрипотой да немотой,
На морской, седой, песчаный
Выйдя на берег крутой.

2.

Раны—такая штука:
Не уберечь друг друга,
И когда-то одна
Вычерпает до дна.

А потом—давай
Как-нибудь доживай,
Барахтайся, мельтеши,
Дыши без родной души.

Вот ведь—на рынок идёшь,
А тут закипает дождь,
Бьёт водяная плеть,
И некому рук согреть.

Некому взять суму,
Некому ждать в дому.
Так и тянешь с ножом в боку
Невечной жизни «ку-ку».

Голос зажму в кулак.
Скулы свело от слёз.
Жизнь, я тебе не враг.
Мир, я тебе не пёс.

День—не видать ни зги,
Ночь за хребет берёт.
Выкрикнуть не могли
То, что на части рвёт.

Вывраться из огня...
Что я могу, когда
И посильней меня
Сыпались, как слюда?

Что я—дышу, молчу.
В горле—занозой—стих.
Имя давать мечу—
Выбери из моих.

Ю. Б.

За годы до—я чуяла беду.
Я знала, что когда-нибудь померкнут
В моих глазах и звёзды, и трава,
Что, осыпаясь, покачнётся мир
И облетит с пустым, безумным звоном.
Мы знаем всё подспудно про судьбу.
И ждём, томясь: вот-вот оно случится—
То, что одним ударом рассечёт
Души моей тоскующую мякоть,
Пронзит меня и пригвоздит к земле.
За годы до—я разучилась плакать.

Предчувствуя потерю в каждом из
Тех, кто шёл со мной земной дорогой,
Брела я по запутанной тропе—
Босая и на общих основаниях,
Неся свой странный, неудобный груз
Горящих слов, бренчащей рифмы звонкой.
И вглядывалась в лица и глаза,
Ища печать, меняющую верно
Рисунок черт обыденных—на лик,
Отмеченный загробным дуновеньем.
Но—проглядела, сбилась, не нашла.

Но—проглядела, сбилась, не нашла.
Теперь-то что метаться и казнитьяся,
Ночей не спать, под звон ключей дрожа?
Свершилось и пришло, взяло и смяло.
Вся бестолковость жизни, вся любовь
Отныне не поможет мне, и если
Я выкрикну однажды эту боль,
Взрвут моря, Земля сойдёт с орбиты,
Кору вскрывая, вздыбятся разломы
До самого кипящего ядра...
Так дайте мне смолчать, я умоляю.

...Но мы живы ещё—и лукавы,
Роковому безверью должны,
Соискатели смерти и славы
На просторах усталой страны.

Друг-щегол мой, дурная порода,
Не умеющий быть подлецом,
Не хватило навек кислорода,
И хрипишь с посиневшим лицом,
И скребёшь по бумаге коряво—
Рванный вдох, непутёвый глоток,
Золотая густая отравка,
Обжигающий рот кипятком.

Защитникам Донбасса

...И ловят руки не меч, но меч,
И держат руки не меч, но мир.
Врастаешь сердцем в родную речь
И горькой нежностью—в свой фронтир.
Укореняешься в мятеже
Во веки вечные—и аминь,
На горизонте, на рубеже,
Где корни неба вонзились в мир.
И жжёт ладони горячий снег,
И горе вплавлено в белый лёд,
И наш короткий и страшный век,
Как ночь последняя, настаёт.

Неужели я плыву
Да из Менска во Москву?
Неужели в самом деле
Я вас всех переживу?

Занимается заря,
И горят мои моря,
Поперёк и вдоль зигзагом
Мной исхоженные зря.

Есть ли в мире сторона,
Где я буду не одна,
Чтоб не мамка и не нянька,
Не жилетка, не жена?

Что бы выискать в судьбе,
Чтоб не плакать о тебе,
Мой двойник из амальгамы
С сигареткой на губе,

С кучерявой головой,
Ненаглядный, грозовой,
Мной схороненный до срока,
Только в памяти живой?

На помин твоей души
Все рюмашки хороши,
Все стакашки как близняшки,
Топнул, хлопнул—и дыши!

Ах ты, Коля-Николай,
Лежи молча, не гуляй,
Как покойникам пристало,—
Дурака-то не валяй.

Тем ли, этим вечерком
Я приду к тебе тишком,
До краёв стакан поставлю
И заплачу шепотком.

Исчезаю с радаров—Бермуды тебе, а не я.
Корабли разбивая о рифы молчащего скайпа,
Уходя—уйди: мы с тобой не враги, не друзья,
И по венам сквозит холодок отлетевшего кайфа.

Ни парле, ни франсэ—замолкаю отныне навек,
Ни беспутных словечек, какими тебя называю...
Уходи навсегда, драгоценный, смешной человек,
И по горло тебе твоей Сены вода гужевая.

Обрывая парфорс, не сорвусь в дешевающий хрип.
С беспорядочных слов то и дело сбиваясь на числа,
Прорастает разлука сквозь тёмное сердце, как шип,
И теперь тебе только свобода—во веки и присно.

Леденящий глоток октября так отчаянно свеж.
Ну да мы не в кино, потому повторяю без злости:
Если хочешь вражды, нам остался последний рубеж—
Под Смоленском, где пра твоего тлеют жёлтые кости.

Горячишь ли коня и храбришься ли, словно Мюрат,
Ни морзянкой, ничем мы с тобою не связаны ныне.
Эта осень, как армия, в бой идёт, mon camarade,
Жаль, не вспомню никак подходящей по смыслу латыни.

Дождь в яблоках, и яблоки в дожде,
И тонет сад в шалфее и душице,
В календуле и мяте, в лебеде,
В подсолнухах, что выклевали птицы,

В любви, дикорастущей, как трава:
Как гряды ни возделывай, но всё же
Нас обступают время и слова,
Вода в окне и холодок по коже.

И как легко застыть, и чуть дышать
(А воздух здесь такой, что гуще крови),
И собственному сердцу не мешать,
И собственной душе не прекословить.

Так ли, эдак, жива ли, едва ли,
Нелюбима, любима—один
Знает Бог, как стихков трали-вали
Домотали до ранних седин.

С неба облако сыпалось мелом
И тоской на затылок и лоб:
Голова моя мечена белым,
Горло полно обидой взахлёб.

Что тебе-то, дурак-пересмешник,
Сердца глупость, прощёно зло,
Мой седой, мой собачий лобешник,
Золотое, как время, чело?!

Как знаешь, говорю, как знаешь,
Моя нежданная свобода,
Когда листву в лицо швыряешь
И сквозь печаль не ищешь брода,
Когда рассказываешь байки
Про то, что «это—тоже опыт»,
Глядишь с улыбкою всезнайки—
И я перехожу на шёпот.
И я скрываюсь в подворотнях,
Ищу забвенья, как лекарства
От этих жалоб приворотных,
И за покой даю полцарства,
Сердечные глотаю к ночи...
Но если нет в тебе просвета—
Как знаешь, говорю, как хочешь.
Пройдёт и это.

С древа мира и многих печалей
Сладким яблоком падает смерть.
Ну, чего мы хотели вначале?—
Разобраться, добаться, посметь,

Побороться за синие воды,
Мёд поэзии полным глотком
Пить до дна—вместе с ядом свободы,
Лёгким-лёгким его кипятком.

Что хотели—кочевья, сраженья...
Что нам были дома и сады?!
Милый, это всё—до поражения,
До разлуки, расплаты, беды.

Над Босфором качается парус,
И не страшно уже ничего.
Ну а если я не откликаюсь—
Что с того, дорогой, что с того?..

Это вы, это вы без меня одной,
Это вам хорошо без меня сейчас,
Ваши злые речи текут, как гной,
Это вы без меня, это я без вас.

Это я, это я безо всех одна,
Это я со стаканом мёртвой воды
У ночного негаснущего окна—
Это я одна у моей беды.

Это я перед злобой и пустотой,
Перед смехом вашим, дурной молвой,
За своим молчаньем, как за чертой,
Остаюсь живой.